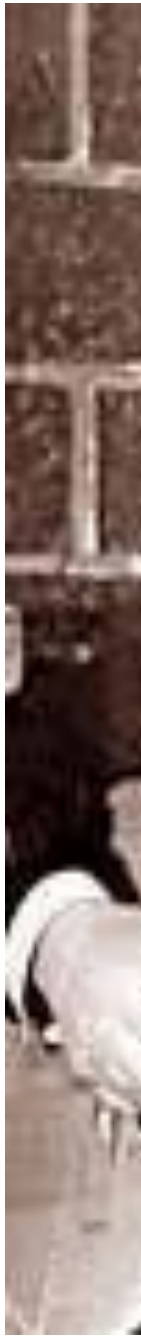

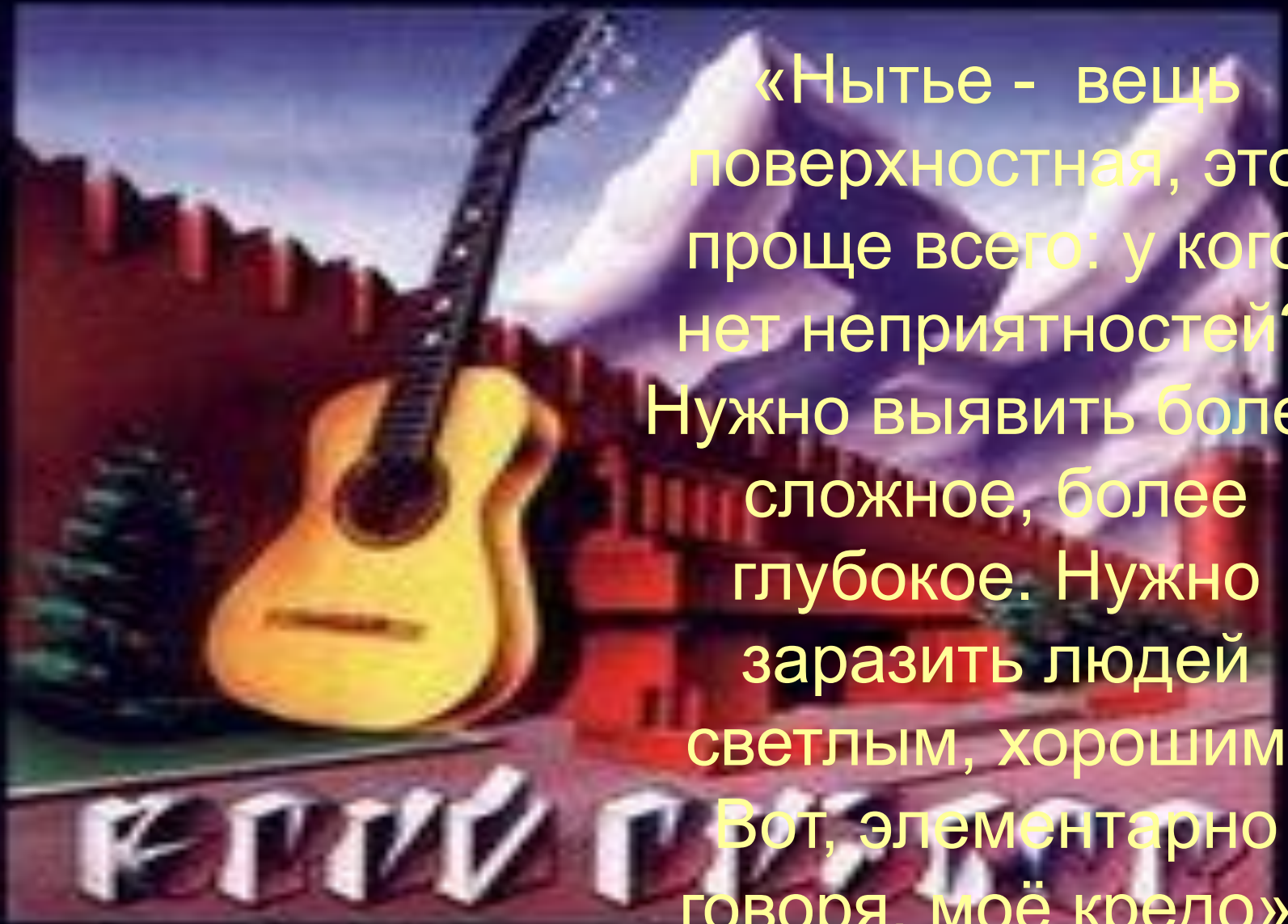
***«Наполним
музыкой сердца».***

«Нытье - вещь поверхностная, это проще всего: у кого нет неприятностей? Нужно выявить более сложное, более глубокое. Нужно заразить людей светлым, хорошим. Вот, элементарно говоря, моё кредо».

Из автобиографии Юрия Визбора:

- «Я родился 20 июня 1934 года в Москве, в родильном доме им. Крупской, что на Миусах. Моя двадцатилетняя к тому времени матушка Мария Шевченко была привезена в Москву из Краснодара молодым, вспыльчивым и ревнивым командиром, бывшим моряком, Юзефом Визборасом (в России непонятное для пролетариата "ас" было отброшено, и отец мой стал просто Визбором)».

- Из неопубликованной повести «Здравствуйте, я вернулся!» дочери Визбора Татьяны:
- «На свою фамилию я впервые обратила внимание в школе и подошла к отцу с вопросом: "Почему у всех есть какие-нибудь прозвища, а меня зовут и обзывают одинаково - "Визбор"?" "Потому что, - ответил отец с гордостью, - "Визбор" - это не фамилия, это кличка"».

Детство и юность Визбора - это война и послевоенные годы.

Из неопубликованной повести «Если бы ты знал...» первой жены Визбора, журналистки, поэтессы Ады Якушиной: «...сизу после сдачи какого-то экзамена в нашем институтском дворике. Блаженствую: можно теперь хотя бы до завтра не заглядывать в учебник. Пригревает осеннее солнце, кружится разноцветная листва. Вижу, недалеко окружили девчонки двух парней. Один - кареглазый, коренастый, отчаянно жестикулируя, рассказывает, судя по всему, занятную историю.

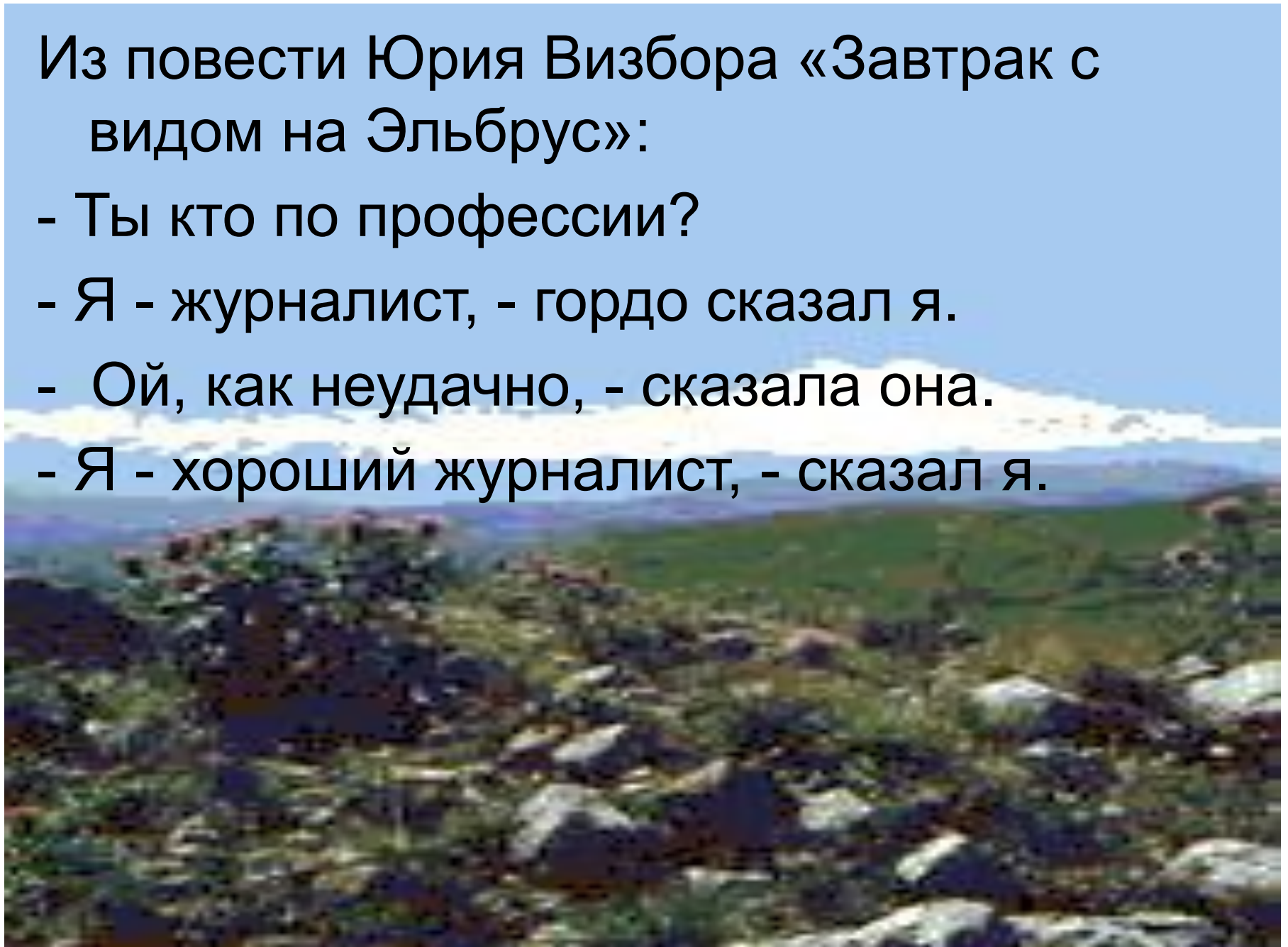
Второй - стройный, светловолосый, в зеленой ковбойке, и, замечу, очень симпатичный - время от времени что-то добавляет, и тогда вся компания взрывается хохотом.

- Кто это? - осведомляюсь у присевшей рядом однокурсницы.
- Ты не знаешь, кто? - искренне удивляется она. - Это же Володька Красновский и Юрий Визбор. В него пол-института влюблено! Я не уточняю, в кого именно».

Из повести Юрия Визбора «Завтрак с видом на Эльбрус»:

- Ты кто по профессии?
- Я - журналист, - гордо сказал я.
- Ой, как неудачно, - сказала она.
- Я - хороший журналист, - сказал я.

Вспоминает известный бард Юлий Ким: «Вот он стоит на сцене - мешковатый и в то же время ладный, чуть наклонившись через гитару к микрофону, улыбается.

У него замечательная улыбка, мгновенно располагающая к нему: здравствуйте, мы все тут свои люди, давайте, ребята, споем что-нибудь...

Душа всякой хорошей компании. Не тамада, не кумир, а именно душа. Его обаяние действует само по себе, без усилий. Он не стремится первенствовать, он слушает других, и слышит, и всегда откликается...

Он помнит массу историй, какие пережил сам и не сам, и вот рассказывает такой своей скороговорочкой, пересыпанной смешком, на все лады и обязательно в лицах... И любишься, и заслушиваешься, бывало».

Вспоминает Татьяна Визбор: «В то утро, 16 августа 1978 года, на альплагерь опустился сплошной туман. Как шутили тогда: "В раю было холодно, шел снег и дул ветер". На зарядке свою же вытянутую руку невозможно было разглядеть. Наша группа новичков должна была выходить на занятия в ущелье Мырды. Когда мы стояли на построении, мимо нас, казалось, не видя ничего перед собой, пробежал отец с перекошенным лицом в полном альпо-обмундировании. Я тогда ничего не поняла, а после мы узнали, что произошло несчастье. Группа из пяти человек, участвовавшая в соревнованиях... Короче: Олег Коровкин погиб, Ковуненко, Зыбин, Башкиров - многочисленные сложные ожоги разной степени.

Карпов - единственно не пострадавший! Ночью к ним в палатку залетела шаровая молния... Коровкин умер, даже не проснувшись... Самое обидное, что все было сделано по правилам, ошибки не было: они ночевали за 100 метров от гребня, и все металлические вещи отнесли за пределы лагеря. На спасательные работы были брошены все разрядники, все значкисты. Первая группа ушла в 8 утра, последняя пришла в 2 часа ночи. Отец ассистировал доку прямо на горе. Оставаясь в лагере, мы готовили палатку для раненых. В три часа ночи лагерь еще не спал, все курили - и те, кто собирался бросать, и те, кто бросил 20 лет назад, и те, кто вообще не курил».

*Ну как же тебе
рассказать, что
такое гора?*

Скала

[TASS]

• **Вспоминает Алла Яковлева:** «Однажды мы с Юрием решили с свекровью, журнал. Мы около две песни. Ты благополучно разразилась никакие. В таком слушании Визбору: дрожат!" "нас песня вагонным всхлипнула, ей помчалась ошарашенно халате и, вас будут конечно, и "холодные..."».

Юрием
эглинке. Моя
тала
та тахту
ринялись за
ы
, а на пятом
веты - это
лучше в
озмущаться
ают, что
я, - ведь у
кат за
щие!" Я,
и вместе с
погнался
эвна в
ить, какие у
э!" Я,
и стали

- Вспоминает Ада Якушева: «Визбор часто повторял блоковское утверждение, что "только влюбленный имеет право на звание «человека»". В этом состоянии он был очень заметен. Он был первым секретарем, и тогда основными формализмами были отношения комсомольско-непреклонные. Она появлялась и приобретала. Но, правда, наступала с фольклора. Сколько широкой. Подозреваю, вылепить целую скульптурно-свадьбе моему Визбора - я, ними этими мной. Так что шутиливую фразу Гордта: «Это было три жены назад...»».

Помни войну! Пусть далека она в тумане.
Годы идут, командиры уходят в запас.
Помни войну! Это, право же, вовсе не странно:
помнить все то, что когда-то касалось всех нас...

Из дневника Ады Якушевой: «Утром приехал Максим и сказал, что Визбор тяжело болен. Диагноз плохой.

Хозяин дома, Василий Михайлович Белов, человек : спокойный и рассудительный, много лет проработавший сельским фельдшером, попытался успокоить нас, припомнив, что в подобных случаях может помочь отвар из цветов картофеля.

"Господи, - подумала я, - возьми от меня и передай Юре мои силы." А сил-то уже и не было. Ночью меня скрутила страшная судорога. Мне показалось, что я сама умираю. А когда утром очнулась, увидела, что вся наша маленькая дачная команда... уже ожидала с корзинами в руках.

Надо было собирать цветы картофеля.

В Москве я сразу позвонила Юре:

- Давай держаться, - сказала я. - А то родили дочку, а сами разлеглись - это нечестно.
- Давай держаться, - ответил он.
- Я забегу к тебе, ладно?
- Забегай, но ты меня, наверное, не узнаешь, я очень похудел.
- Ты меня тоже. Я вся синяя, и щеки ввалились. Ноя повешу на шею табличку с фамилией, как у нас на вечере встречи выпускников института.

Это был наш последний разговор. Юра умер 17 сентября 1984 года».

Вспоминает Юлий Ким: «В сентябре я говорил с ним последний раз по телефону. Он был безнадежно болен и, кажется, знал об этом. Голос его был слаб, но бодр.

- По утрам отпускает, а к вечеру опять... - сказал он. - Зайди как-нибудь утром, денька через два.

- Чего тебе принести?

Тут он помедлил, а потом с какой-то полушутливой яростью сказал:

- Знаешь, принеси мне яду. Такого, знаешь, незаметного, без запаха и вкуса, и чтоб сразу.

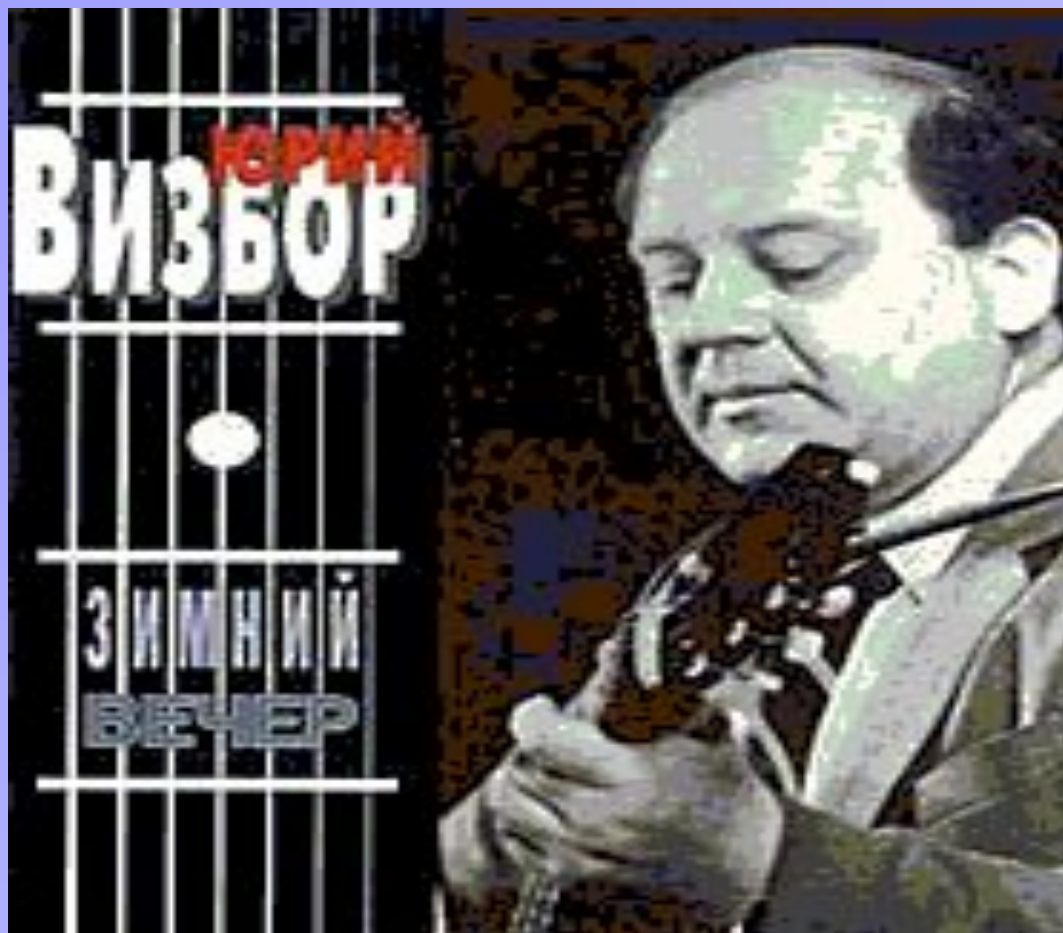
Я вроде бы нашелся.

- Юр, прямо не знаю. Есть, конечно, у меня цианистый калий, вон целая цистерна, но ведь пахнет, зараза! Горьким миндалем.

Визбор хохотнул и тут же своей скороговорочкой сообщил мне историю, как одного мужика не брал цианистый калий, ну совершенно, и он шантажировал своих семейных, выпивая у них на глазах по стакану отравы. Но однажды забыл, что нельзя сразу после этого пить черный кофе...

- Позвони мне послезавтра. Может, увидимся. Захвати... гм... какого-нибудь интересного чтива, хорошо?

Но послезавтра уже нельзя было к нему. А через неделю - я увидел его. А он меня - нет».

***«Наполним
музыкой сердца».***

